

**Между «народом» и «историей»:
проблема народности в публицистике
славянофилов**

Аннотация

В статье исследуется эволюция концепции национальной самобытности в публицистике славянофилов. Подробно анализируется отношение к польскому вопросу, в частности, полемика между И. Аксаковым и Н. Страховым по поводу статьи «Роковой вопрос».

Ключевые слова: Славянофилы, национальная самобытность, Россия, Польша, славянская федерация, И. Аксаков, Н. Страхов.

**Between the «people» and «history»:
the problem of nationality in the journalism of
slavophiles**

Abstracts

This article examines the evolution of the concept of national identity in media discourse of the Slavophiles. Analyzes in detail the attitude to the Polish question, in particular, the controversy between I. Aksakov and N. Strachoff about the article "the Fateful question".

Key words: Slavophiles, national identity, Russia, Poland, Slavic Federation, I. Aksakov, N. Strachoff

Исследуя национальную самобытность русского народа, славянофилы обращались, если можно так выразиться, к самой тайне русской жизни. Это и делает их публицистику полицентричной. Главная, казалось бы, задача – объяснить своеобразие русского мира – требовала специального изучения множества отдельных культурных, политических,

экономических, правовых, религиозных, философских и даже хозяйственных проблем. Рассматривая каждый из них с точки зрения «русской особенности», мы опять приходим к идее, или теории, национальной самобытности, правда, немного обогащенной подобающей конкретикой. Тайна же заключалась для них в другом – в эсхатологичности самого хода и содержания истории¹.

Н. А. Бердяев указывал, что «загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории... Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца...»². Эсхатологические ожидания усиливали самоанализ, требовали выработать критерии оценки – беспристрастной и справедливой, осмысления красоты и несовершенства мира, гармонии и греховности человека. Появились же они у славянофилов в 1848 г., в связи с европейскими революциями. Что скрывать – историсофская публицистика XIX в. вся, в том числе и славянофильская, развивалась в условиях культурного и духовного кризиса.

Однако прежде чем говорить об эсхатологичности и связанном с ним эскапизме в мир прошлого, следует четко определить исходные положения славянофилов. Их историсофская публицистика так же, как и статьи о теории познания, опирается на определенные категории, составляющие, так сказать, каркас идей, схему теории национальной самобытности. И. С. Аксаков в 1863 г. пишет о неких ключевых понятиях, о «великих исторических словах», таких как *земщина, земство, община, вече, народность*, искаженных «наглым и бессмысленным» использованием³. Аксаков не совсем точен: некоторые категории он пропускает (*государство, общество, самодержавие, история, семья*), некоторым, наоборот, придает излишнее значение (*вече, земство, земщина*). Но даже если свести все эти категории вместе, мы обнаружим неоднозначность как каждой категории в отдельности, так и всего «каркаса». Вот почему одними категориями нельзя ни объяснить, ни раскрыть концепцию национальной самобытности.

А. С. Хомяков пытается передать одно невыразимое – народность – с помощью другого, столь же невыразимого – искусства: «Художник не творит собственно свою си-

лой: духовная сила народа творит в художнике <...> всякое искусство должно быть и не может не быть народным. Оно есть образ самосознающейся жизни»⁴. По мнению Хомякова, России не хватает самосознания, поэтому жизнь и знания, жизнь и искусство разъединены. Позднее, формулируя свою теорию общества, И. Аксаков определит общество как народ самосознающий. Зерно этого положения мы видим уже у Хомякова, отмечающего задатки «художественной будущности» в русском народе. Оказывается, «народ, способный к искусствам, не может лишиться иначе развития, как утратив целость и здравие своей внутренней жизни»⁵. Следовательно, «художественность» отражает не только эстетические, но и исторические потребности народа. Утрата же этой «художественности» не обещает ничего хорошего. Так с проблемой народности связывается мотив забвения, исторической амнезии.

В статье «О русском воззрении» К. С. Аксаков сравнивает народное и общечеловеческое и убеждает, что они не исключают друг друга: «Дело человечества совершается народностями, которые не только от того не исчезают и не теряются, но, проникаясь общим содержанием, возвышаются и светлеют и оправдываются как народности». Если противники упрекали славянофилов в изоляционизме и нетерпимости, то Аксаков это обвинение возвращает своим оппонентам: «Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение – значит лишить его участия в общем деле человечества»⁶.

Продолжая этот спор в статье «Еще о русском воззрении», он поясняет, что общечеловеческое воззрение всегда переходит в личное убеждение человека. Сравнивая народ и личность, Аксаков вроде бы разделяет эти понятия, но все же некоторые свойства личности как бы переносятся на народ. С другой же стороны, личность формируется под влиянием народа. Народ как единство напоминает личность, со своим характером, знанием, обычаями, образом жизни. В то же время своеобразие личности ограничивается рамками народной культуры, исторической эпохи, переживаемой не государством, а именно народом. Отсюда слова И. С. Аксакова о временных различиях в народной

жизни: в Олонецкой губернии поют песни князя Владимира, Петербург же показывает себя «великолепной столицей образованного мира»⁷. И все эти культурные пласты сосуществуют одновременно.

Скажем еще об одной оппозиции Хомякова. Он отвергает западную теорию о двух фазах искусства – безличной (народной) и личностной, потому что считает народ своего рода личностью, и это личностное начало отражается в каждом человеке, придавая его существованию значение и смысл. Поэмы Гомера с такой точки зрения «были песнею народной» и поэтому стали «высшим художественным явлением греческой и, может быть, всемирной словесности».

С другой стороны, важно, чтобы народ принял поэта как своего, понял и посочувствовал красоте, заключенной в художественном творении. Говоря, что народность художника в том и заключается, что он начинает «выражать свободно и искренно <...> идеалы красоты, таящиеся в душе народной; ибо корень искусства есть любовь»⁸, Хомяков, по существу, предлагает психологическими методами решить социальную проблему разрыва между сословиями.

Сходный взгляд на народность высказал и В. Н. Лешков – правовед и историк, декан юридического факультета Московского университета. Он заявляет о правах русской науки самостоятельно изучать мир. Тогда же в статье «Ещё о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России» он пишет: «...Разве может человек отрешиться от среды, в которой возрос духовно и которою возмужал умственно? Истина одна, наука – одна, искусство – одно – для всего человечества; все это справедливо только в идее; наука – одна, как искомое, как цель стремлений, результаты же действительных усилий на осуществление этих идей весьма различны, по месту, времени, народности»⁹. Проти-воречит ли, в таком случае, народное общечеловеческому? Лешков так не считает.

Продолжая эту тему, он заявляет: чтобы войти в историю (стать народом историческим, заслуживающим всеобщего внимания), народ должен «сам произвести достойное человечества», т. е. нечто оригинальное, самобытное. Народ и им понимается как единый организм, точнее – как

одна личность. Оригинальность – свойство характера личности, для Хомякова заметнее всего в искусстве, для Лешкова же – в оригинальности древнерусского права с его гуманистическими аспектами законов. Так, он указывает на то, что древнерусская дипломатия отрицала «береговое право» и не признавала рабства христианских пленников. По мнению правоведа, в семейном и общественном праве личность несколько не была унижена, только уравнена в правах с происхождением. Наконец, закон предполагал исправление, а не кару преступника¹⁰.

Посмотрим на проблему народности и истории с другой стороны. Западник К. Д. Кавелин, признававший важную роль общины в жизни народа, был твердо убежден, что в древней России «личность в гражданской сфере сама по себе ничего не значила»¹¹, а юридический быт отсутствовал. Возникновение юридических отношений связано, по его мнению, с практическими потребностями, а юридический быт начал складываться только в Московском государстве и оформился при Петре. Если для Лешкова норма

и правовое регулирование заключено в обычае, в его традиционности и публичности, то Кавелин считает правовыми нормами писанные, юридические нормы, закрепляющие существующие порядки и обычаи и обязательные для исполнения. Он выделяет роль государства как регулятора: законы создаются самой жизнью, но формулируются и превращаются в обязательные именно государством. Так Древняя Русь, по его мнению, как «венец своего развития» создала «первые начатки государства и личности»¹². Только с этого момента русский человек выступает на исторической сцене. В таком случае историческая задача новой эпохи – развить и укрепить начало личности, как это уже сделала Европа.

Существенно, впрочем, то, что Кавелин заканчивает статью признанием народности и ее прав. Его рассуждения временами очень похожи на славянофильские. Он, например, разделяет внешнюю форму народности как физического существования народа и ее внутреннюю суть – нравственный характер. Он характеризует «народную физиономию» почти в тех же выражениях, что и славяно-

филы: «нечто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцем, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чем один народ отличается от другого, несмотря на видимое сходство и безразличие»¹³.

Гораздо позднее Б. А. Кистяковский в статье «В защиту права», опубликованной в «Вехах», проследил за истоками славянофильской позиции. В сознании народа, в его жизни присутствуют четкие понятия о праве и не-праве. Отсюда возникло ошибочное предположение о том, что русским чужды представления о праве, так как народ, «руководясь только своим внутренним сознанием, ... действует исключительно по этическим побуждениям». Кистяковский видит причины такой ошибки в слиянии правовых и нравственных норм, слиянии, не преодоленном до начала XX в. в народном сознании. Поэтому-то так называемое «обычное право» совершенно не отвечает главному критерию правосознания – оно лишено «единообразного применения»¹⁴.

Пренебрежение правовыми нормами привело к непониманию роли личности, к отрицанию необходимости общественных договоренностей, «гарантий» и т. п. Невнимание славянофилов к правам личности не раз отмечал И. Аксаков. Так, в статье «О необходимости личного подвига для преуспевания гражданской жизни» он призывал заботиться о развитии личной воли, личного характера, личных убеждений. Отмечая, что «личность у нас слаба и шатка», он обращал внимание на «просвещение нашего нравственного разума» подразумевая нравственность всей гражданской жизни¹⁵. Впрочем, личность русского человека, по его мнению, не должна походить на западную, а должна соответствовать христианскому, народному пониманию, т.е. преодолеть личный эгоизм¹⁶.

Славянофилы абсолютизировали противопоставление внутреннего и внешнего, традиционного и нового, жизненного и отвлеченного. Но с другой стороны, и западники обвиняли славянофилов в отвлеченности, предвзятости, схематичности. Очевидно, с таких позиций спор решить было нельзя. Примирение, взаимопонимание на пушкинском празднике 1880 г. было внешним, недолговечным и,

по признанию И. Аксакова, не вполне искренним. Очевидно, различия лежат глубже, в самих верованиях мыслителей и публицистов. Для славянофилов и почвенников (как позднее для народников) важны были категории биологические – зелень, цветы, дерево, рост, развитие, почва и т. п. Для западников – механистические: лодка, корабль, дом и т. п. Об этом еще в 1960-е годы писали западные исследователи, в частности, А. Гранжар и Ж. Лоте.

Сам народ понимается публицистами XIX века то как целостная личность, то как множество людей, как сборный организм, коллектив или община. При этом переходы от одного понимания к другому мы наблюдаем почти у каждого публициста. Рассматривая народ как личность, публицист приближается обычно к европейскому, западному толкованию, независимо от своей принадлежности к определенному лагерю. Воспринимая же его как коллектив, как большую общину, он ближе к традиционным «самобытным» представлениям. Переходы от одного понимания к другому разнообразны и не всегда осознаются публицистами. Поэтому-то столь условно и неточно уже ставшее традиционным разделение на «самобытников» и «европейцев»¹⁷. Тем более что и те, и другие колебались, когда решался вопрос о праве славянских народов на дальнейший выбор своего пути, на самостоятельность.

Казалось бы, славянофилы уважали славянские народы и не были сторонниками всеславянской империи (вспомним хотя бы ответ И. Аксакова после его ареста в 1849 г. на соответствующий вопрос, заданный от имени императора Николая¹⁸). Но уже в 1861 г., открывая «славянский отдел» в своей газете «День», И. Аксаков пишет об инстинктивной ненависти Запада к славянско-православному миру. Он призывает «освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар *самостоятельного* духовного и, пожалуй, политического бытия...», но связывает это «бытие» с защитой, т. е. под «сению могущественных крыл русского орла». Более того, в освобождении славян и их защите Аксаков видит «историческое право, нравственное призвание и обязанность России»¹⁹ и решительно настаивает на этом.

Однако он видит и другую сторону проблемы – сознают ли сами славяне право и призвание России? По его мнению, «теперь сочувствие к России ищет себе другой, более разумной основы и, переходя из области естественного чувства в область сознания, подвергает поверке и оценке нашу собственную верность славянским началам <...> Народные начала крепки не одним воплощающим их в себе бытом, но еще более – ясным сознанием»²⁰. Ясного сознания славянской общности, как считает публицист, как раз и не хватает в России. Ни публика (читатели, общество), ни сами журналисты не сознают, по его мнению, антагонизма двух просветительных начал – славянского соединительного и западного. Этот антагонизм он объясняет разностью духовных начал: на западе – «завоевательное римское», а в России – мирное славянское. Особенность славянского начала не разъясняется.

И. Аксаков вполне ожидаемо защищает славянские народы, желает их самостоятельности и обрушивается на западные страны, не желающие признать независимое существование славянских народов. Точно так же ожидаемо и разделение славян на две группы – православную (русские, сербы, болгары) и католико-протестантскую (поляки, чехи, хорваты). Последние «давно уже принуждены думать о том, чтобы польское, чешское, хорватское имя не исчезло совсем с лица земли»²¹. Спасение для западных славян Аксаков видит в возврате к православию. Он не предполагает включения славян в состав Российской империи, но и не разделяет надежды на Славянскую федерацию – до тех пор, пока не произойдет «духовного объединения в вере»²².

Польское восстание 1863 – 1864 гг. вызвало раскол в славянофилах и поставило перед ними целый ряд вопросов, осознаваемых и ранее, но теперь потребовавших к себе пристального внимания и незамедлительного решения²³. Освободительное движение в Польше еще в 1861 г. заставило, например, И. Аксакова задуматься о нравственности насильственного удержания братского славянского народа в границах империи, даже учитывая весьма малую возможность независимого существования польского государства. «Нравственная правда» требовала

от русских, как считал Аксаков, вывести русские войска из Польши и предоставить ей право самой решать свою судьбу. Он хотел бы считать поляков «добрыми родственными соседями»²⁴. Развитие польской революции, однако, делало эти надежды все более призрачными. Известно, что революционные поляки выставили требование восстановить Польшу в границах 1772 г., т. е. вместе с Малороссией, Белоруссией и Литвой. Именно опираясь на право народности, Аксаков одновременно отвергает «польское домогательство» на чужие земли, отстаивает «права польской народности в пределах Польши, – Польши, а не Волыни, Подолии, Белоруссии и проч.»²⁵. Наиболее радикально его взгляды высказаны были в письме к Д. Оболенскому 22 мая 1862 г.: «Безумны те, которые полагают, что можно подавить польскую народность! Против такой общественной силы бессильно государство, хотя бы опиралось на 100 тысяч штыков. Польша, настоящая Польша должна быть вполне самостоятельной. Системы насилия не выдержит само правительство, ибо не поддерживается общественным мнением ни Европы, ни России, а полумеры не удовлетворяют Польшу»²⁶.

С точки зрения истории, Аксаков был прав: России не удалось навсегда удержать Польшу в границах империи. Однако же тактически, в отношении к современным событиям публицист рассуждал слишком оптимистично. Правительство не замедлило подавить восстание, и общественное мнение одобрило это подавление.

Аксаков принадлежал к числу тех, кто, хотя и осторожно, но поддержал разгром «мятежа». В 1864 г. он печатает в газете «День» статью «На Новый год. В каком положении славянский мир встречает новый год и провожает старый?». В ней он прямо называет польские события «мятежом», пишет с сожалением о том, что «вражда и взаимное ожесточение между русскими и поляками еще не стали убывать». Аксаков не пытается проанализировать ход событий, объяснить причины – всему этому в статье нет места. Она лишь констатирует вину самих поляков: «Не Русское правительство Александра II и не русское современное общество вызвало из глубины 17 века спавшую

народную вражду. Ляхи сами ее разбудили»²⁷. Теперь Аксаков очень рад единству общественного мнения, направленного против Польши и против Европы, и поддерживает позицию «Московских ведомостей» и Каткова. Впрочем, поддерживая Каткова в газетных выступлениях, Аксаков в письмах критикует его и высказывает свои сомнения и возражения²⁸.

Сделаем отступление и поясним сложность восприятия польского вопроса в русской общественной мысли XIX в. Идея славянского единства (или «славянской взаимности») появилась не только в России, но и у самих славянских народов. Эта идея предполагала, что единоверие и племенное (национальное) родство сближают славян с Россией и между собой. Сближение могло бы привести и к объединению славян. Но прежде всего нужно было добиться если не полной самостоятельности, то хотя бы автономии и равноправия славян в Пруссии, Австрии и в Османской империи. Вопрос же о независимости Польши оказывался особенно болезненным не только вследствие старых исторических обид, но и потому, что касался чувствительной для России проблемы – славяне по происхождению, поляки не хотят жить единой славянской жизнью и тяготеют к Западной Европе.

Восстановление независимости Польши ставило вопрос о судьбе западно-русского края – т. е. западных областей Украины и Белоруссии, входивших когда-то в состав Польши. Притязания поляков на эти области казались насилием над народной волей и неприемлемыми для России. С другой стороны, поляки полагали, что несправедливо было бы отделять эти земли от Польши, поскольку они вошли в нее по обоюдным соглашениям Руси и Речи Посполитой. На самом деле, как видно из публикации дипломатических документов А. Н. Поповым, среди украинцев были и сторонники России, и сторонники Польши, и даже сторонники Турции. При этом личная выгода гетманов и военачальников хотя и присутствовала, но уступала место мысли о пользе для Украины. Желание союза с соседней страной было вызвано более соображениями безопасности, чем желанием единства народов, и не означало равно-

душия к вопросу независимости Украины и ее свободы²⁹. Таким образом, польский вопрос был связан с украинским, т. е. западнорусским, с литовским, остзейским.

В 1864 г. И. Аксаков негодовал на Бакунина, якобы предложившего от имени русского народа отдать Швеции Финляндию и остзейские провинции Швеции с тем, чтобы та поддержала независимость Польши³⁰. Сознание Аксакова раздваивается: он равно против онемечивания Прибалтики, ополячивания Западного края и в то же время – против обрусения Польши. Однако он не готов к территориальным потерям России. Полякам приписывается желание жить именно в России, а не вне ее. Так, в передовой статье «Дня» 4 мая 1863 г. высказывается предположение: «...нам кажется, что польская нация, если б было признано нужным узнать ее свободное, искреннее мнение, никак бы не захотела отделяться от России, в виду германизма, который для Польши “яко лев рыкаяй, иский, кого поглотити”»³¹. Здесь очень важно допущение опроса, выявления мнения польского народа. Такое высказывание нельзя считать ординарным для русской публицистики начала 1860-х гг.

С другой стороны, выяснять мнение украинского народа Аксаков явно не собирается. При всем интересе к Украине (он записывал украинские песни, изучал торговлю на малороссийских ярмарках и результаты своих занятий изложил в книге «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (М, 1858), удостоенной половинной Демидовской премии Академии наук), мысль о возможной самостоятельности Украины не приходит ему в голову. Впрочем, в 1864 г. украинофильство он не считает заметным и опасным явлением и «не придает ему никакой важности»³². Еще в 1861 г. он полемизировал с Н. И. Костомаровым, называя его желание иметь литературный малорусский язык противным истории и жизни. В ответном письме Костомаров выдвинул встречное обвинение: создание такого языка противно «истории войн, трактатов и министерских распоряжений... но оно не противно истории народной мысли, народных чувствований и побуждений... Коль скоро существует народ с собственною физиономиею ... с

собственным наречием, то не противно жизни и его собственное своеобразное развитие. Вы не видите возможности его, я, признаюсь, не вижу впереди ни условий безусловной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависит от последующей истории <...> Либо станьте на точку государственного принуждения и действуйте заодно с III отделением, либо уважайте право южнорусского и не приказывайте ему молчать на своем языке ни говорить на вашем»³³.

Разногласия между Костомаровым и Аксаковым оказались существенны в польском вопросе. Костомаров иронично отнесся к замыслу Аксакова «размежеваться» с Польшей: «Народного размежевания вам не произвести. Вы будете кричать: *Это вам, Поляки, это нам*. А можно ли будет кому-нибудь закричать: *постойте, господа; мы ни к вам, ни к нам не хотим; мы хотим жить сами по себе...*»³⁴. Наивным кажется ему и предложение Аксакова вывести русские войска из Польши: «Поляки не хотят такой Польши, какою вы их жалуете. Поляки хотят Польши в границах Сигизмунда III или, по крайней мере, Яна Собесского. Едва только русские войска выйдут из Польши, как поляки ворвутся в край, составлявший некогда великое княжество Литовское... Какой же результат выйдет из всего? Напрасное кровопролитие, и больше ничего»³⁵.

По поводу Украины Аксаков будет полемизировать и с П. А. Кулишем. Стремление последнего способствовать созданию малороссийского литературного языка расценивается газетой «День» как покушение на «духовное единство России». По мнению Аксакова, хотя и можно допустить диалекты, отдельные местные (в том числе и малороссийские) наречия, но литературный язык должен быть единым, общерусским³⁶. Через двадцать лет в газете «Русь» Аксаков уже открыто называет украинофильство опасной болезнью и предлагает бороться с ней³⁷.

Мы видим, что теоретические представления о народности, любовь к славянам (славянской народности) наталкиваются на сильные исторические ограничения и пытаются их обойти, чтобы, сохраняя любовь к народности и народному мнению, не допустить разделения и раскола

России. Конфликт возникает двусторонний: между признанием права на самоопределение каждой народности и осознанием необходимости славянской «взаимности». В то же время чувство справедливости и свободы конфликтует с чувством метрополии и желанием вернуть братьев-славян, уклонившихся в католицизм, в русло православной церкви.

Соединительным мостом между «народом» и «историей» становилась мысль об освобождении, которое принесла Россия славянским народам. Эта мысль кажется вполне имперской, но она вызвана, скорее, подчинением личного начала коллективному. Выдвинутый Аксаковым в 1861 г. принцип «народного самосознания» как духовного начала, скрепляющего племенное родство и единство, не был ни отброшен, ни переосмыслен. В 1861 г. Аксаков писал: «Призванные именно к подвигу самосознания, славяне, преимущественно пред всеми народами, казнятся за всякое уклонение от своего духовного призвания и осуждены обретать спасение *только* и единственно в деятельности самосознания. *Вне* этой деятельности, вне нравственной опоры созидательного духа нет для них спасения и исхода. И потому-то мы видим, что никакая внешняя государственная крепость сама по себе не в силах была спасти, не спасает (и не спасет) славянские народы от внешнего падения и утраты своей народности»³⁸. Эти слова можно понимать как призыв отказаться от завоеваний, от внутренних усобиц и решать разногласия полюбовно.

Вероятно, такое настроение присутствовало в намерениях Аксакова и при создании статьи «Исторические судьбы земских соборов». Однако в статье к вышесказанному добавляется еще один аспект: определение направления исторического движения. Исторические факты заставляют его сделать неожиданный, но почти пророческий вывод об «обратности движения» в историческом развитии России: «Если мы сравним нашу историю с историей западных государств, то ход нашего исторического развития представится нам в совершенно обратном направлении. Везде народы идут от стеснения, рабства и неволи к свободе; везде история являет поступательное движение от умственной и ду-

ховной косности к деятельности мысли и духа, от зверской жестокости законов к законам кротким и человеколюбивым. Путь нашего развития иной. От денежных пеней и отсутствия телесных наказаний в русской правде мы приходим к страшным уголовным казням Соборного уложения при царе Алексее Михайловиче; от свободы крестьян к крепостному праву; от вольного и шумного голоса народа на вечах, от степенного голоса Земли на земских соборах к мрачной тишине и безгласности русского народа в XVIII и в первой половине XIX века; от земской жизни, от земского участия в делах государственных – к мертвому бездействию»³⁹. Главная же причина «обратного прогресса» – отсутствие общества, как среды, в которой развивается и рождается народное самосознание.

Отсюда один шаг до идеи создания гражданского общества. Если же применить это к славянскому и польскому вопросу, то это необходимость создания общества в славянских народах в целом и в самой Польше в частности. Однако как быть, если общество Польши, ее самосознающий народ, ее общественное мнение настроены против России? Вот вопрос, на который теория не отвечает и который вызывает, так сказать, не только личностный, но и социальный когнитивный диссонанс. Остается забыть о теории и следовать практическим задачам «усмирения», успокоения и т. п. – по возможности, меньшей ценой.

Однако польский вопрос не только постоянно напоминал о себе. Он заставлял искать решение вопросов собственно русских, связанных с проблемами свободы слова и печати, точности публицистического высказывания, защиты или сдерживания коллег-журналистов. Мы уже говорили о том, что Аксаков, хотя и очень сдержанно, но поддержал Каткова. Известна его публичная полемика с Герценом. Обо всем этом не раз писали исследователи⁴⁰. Но есть еще одна, не очень известная страница в полемических выступлениях Аксакова в связи с восстанием в Польше.

После выхода статьи Н. Стрехова «Роковой вопрос» в журнале «Время» (1863, № 4, отд. II, с. 152-163), Аксаков в газете «День» (1863, № 22, 1 июня) резко критиковал

Страхова. Аксаков предостерегал читателей от «увлечения» Польшей, от неправильных, по его мнению, представлений о значимости польской культуры. Его беспокоит, что Страхов неточно (т.е. не полностью) цитирует давнюю статью И. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (1845) и читатели могут подумать, будто Киреевский высоко ценил польскую литературу и культуру. После запрещения журнала «Время» (для которого статья Страхова и впрямь стала роковой) могло показаться, что приложил руку к травле Страхова Аксаков, тем более что журнал «Время» не пользовался его доверием и уважением. Прочитав «День», Страхов написал Аксакову личное письмо. Остановимся на этом эпизоде подробнее.

Страхов писал о поляках как о народе, уважающем Европу и желающем развивать у себя европейские начала. Он попытался встать на точку зрения польского гражданина и понять причины неприязни к России и страстного желания от нее отделиться: «Что порождает вражду, возбуждающую поляков против русских? Постараемся вникнуть в настроение поляков, перенесем себя в их положение и будем смотреть с их точки зрения. Очевидно, кроме причин космополитических и национальных, в эту вражду входит еще один элемент, который, как нам кажется, весьма существенно определяет дело. Поляки возбуждены против нас также как народ образованный против народа менее образованного или даже вовсе необразованного. Каковы бы ни были поводы к борьбе, но одушевление борьбы, очевидно, воспламеняется тем, что, с одной стороны, берется народ цивилизованный, а с другой – варвары. Таков, по крайней мере, должен быть взгляд поляков. Чтобы убедиться в глубокой действительности этой причины, как составного элемента вражды, стоит только вспомнить, что польский народ имеет полное право считать себя в цивилизации наравне со всеми другими европейскими народами и что, напротив, на нас они едва ли могут смотреть иначе как на варваров»⁴¹. Страхов видит «долю справедливости» в настроениях и даже притязаниях поляков. И пытается объяснить это с точки зрения особенностей польской народности, отмечая: «Они [поляки] составляли не одно ве-

щественное ее [Европы] достояние; они или отчасти были, или рано или поздно должны были стать ее умственным завоеванием, подпасть победе ее культуры. Таким образом, трудно упрекать поляков за эти притязания. Отказаться от них значило бы для поляка отказаться от значения своей цивилизации»⁴².

Страхов полагает, что суждениям поляков было бы необходимо противопоставить идею «русского мира», особой «русской цивилизации». Однако эта задача невыполнима просто потому, что доказать существование такого мира и такой цивилизации нельзя: «Мы не можем их ясно оправдать, не можем выставить никаких очевидных и для всех убедительных признаков, проявлений, результатов, которые заставили бы признать действительность нашей русской цивилизации. Все у нас только в зародыше, в зачатке; все в первичных, неясных формах; все чревато будущим, но неопределенно и хаотично в настоящем. Вместо фактов мы должны оправдываться предположениями, вместо результатов надеждами, вместо того, что есть, тем что будет или может быть»⁴³. Для самого публициста это свидетельство развивающейся, еще молодой и незрелой культуры. Но, как он прекрасно понимает, для остального мира, включая поляков, это выглядит как картина необразованности и варварства.

Между тем мы можем провести параллель между суждениями Н. Н. Страхова и И. С. Аксакова. Оба пишут о незавершенности, о неопределенности русской культуры, но по-разному. Страхов – как о еще не раскрывшейся, Аксаков – как о призрачной, сдерживаемой и внешними условиями, и действиями власти⁴⁴. Чтобы преодолеть взаимное непонимание и вражду, русским следует развить и реализовать свои культурные и цивилизационные начала, считает Страхов: «Нам может быть сладка наша вера в народ и приятны наши блестящие надежды. Но не забудем и горького; не забудем, что на нас лежит тяжелый долг – оправдать нашу гордость и силу»⁴⁵.

Еще сложнее задачи, стоящие перед поляками, которые «должны отказаться от той доли своей гордости, которая опирается на их высокую цивилизацию». Страхов видит их

так: «Даже в том случае, когда бы Польша была независима, поляки должны подавить в себе то надмение, которое им внушает их образование: иначе они никогда не будут в силах заглушить в себе то мучительное чувство, которое возбуждает в них большее могущество России или выход областей из-под польского влияния»⁴⁶.

Для нас важно, что Страхов связывает преодоление вековых противоречий с развитием духовных начал, а не с одной только образованностью: «Если Россия не содержит в себе крепких духовных сил, если она не проявит их в будущем в ясных и могучих формах, то ей грозит вечное колебание, вечные опасности. Если Польша не откажется от гордости своею образованностью, то она неминуемо должна будет напрягать свои силы свыше меры, будет постоянно питать требования, которых удовлетворение чрезвычайно трудно или даже невозможно»⁴⁷. Таким образом, как и у Аксакова, теория народности, нравственное чувство примиряется с политической практикой.

Реакция власти и «официальных» изданий, вроде «Московских ведомостей», понятна и известна⁴⁸. А как же Аксаков? Он не соглашается с мыслью о значении латинской и польской культуры, но вместе с тем считает весьма важным, что статья Страхова «выносит наружу» «те сомнения, которые втайне разъедают некоторую часть нашего русского общества»⁴⁹. Страхова задело прежде всего то, что человек, способный, казалось бы, понять истинную позицию автора «Рокового вопроса», не разглядел не только «патриотического духа», но и «народного смысла» статьи, не только не понял, но и произнес «самый жестокий, самый несправедливый приговор»⁵⁰. Спор Страхова и Аксакова касается самого главного – понимания народности. Страхов считает, что «культура поляков есть их несчастье; она портит их взгляд, она заслоняет для них понятие народности»⁵¹, потому что она копирует европейскую, поддерживает католичество и тем самым уклоняется от славянских начал. Такого же мнения придерживался и И. Аксаков. Впрочем, в отличие от Страхова, он не придавал серьезного значения польской культуре и не связывал польское восстание с идеей культурного превосходства поляков. Если

требуется подчинить Польшу влиянию России, чтобы вернуть ее к славянским корням, то это отчасти даже оправдано историей, во всяком случае, оказывается вполне нравственно и необходимо с исторической точки зрения.

Что касается польской культуры, то исследователи традиционно отмечают, что пик ее развития приходится на середину XVII в., времена Яна Собесского. Контрре-формация вытесняет ренессансные и барочные начала, и «бурное развитие» литературы в середине XVII в. «постепенно угасает»⁵². Казалось бы, такой взгляд подтверждает выводы Страхова и Аксакова. Но возникает другой вопрос: почему же присоединение части Польши к России не сблизило культуры, не способствовало ославяниванию, а, напротив, породило взаимную неприязнь и раздоры? В чем же благотворное влияние русской культуры на польскую? Мы не найдем ответа на этот вопрос ни в переписке Аксакова и Страхова, ни в оправдательной статье-возражении по поводу «Заметки» Аксакова, адресованной редактору «Дня». Отвечая Страхову, Аксаков фактически становится на позицию национального превосходства, считая русских народом уникальным, не подпадающим под общие правила. Он сравнивает их с евангельскими рыбаками, которые сильны были верой, а не образованием и положительными знаниями. Аксаков пишет: «Разумеется, с польской точки зрения, Россия представляется чем-то невыразимо малым, ничтожным и презренным, – и читатель из Вашей статьи выносит именно это убеждение»⁵³. Конечно, Вы упоминаете о неуважении поляков к правам другой народности, но из Вашей статьи не видать, за что и уважать их! <...> Вы сами себе не уяснили внутренней сущности старой западной и принадлежащей еще вполне будущему Славянской цивилизации. Вы признаете *права* русского народа, как признаете *права* чухны и мордвы, – но сами не верите в неминуемую будущность зародышей <...> не видите внутренней победоносной силы начал»⁵⁴. Таким образом, что при формальном равенстве народов, чухна и мордва заслуживают меньшего пиетета и внимания, чем русские, возможно, потому что они потеряли свои национальные начала. В таком же положении, по мнению Аксакова, находится и Польша.

Страхов попытался разъяснить свою позицию в статьях, предназначенных для «Дня» и «Московских ведомостей». Но цензура не разрешила их публикацию. В письме в газету «День» Страхов признавал недосказанность своих размышлений. Свою задачу он видел в «изменении нашего умственного настроения» в связи с польскими событиями: «Из людей отвлеченных, из общеевропейцев, из почитателей цивилизации, какова бы она ни была, хотя бы это была польская цивилизация, мы волей-неволей должны превратиться в русских. Все наносное и прививное, весь этот мир идей без жизненного корня, в котором мы жили, должен рассыпаться и развеяться, как скоро пробуждается в душе действительное чувство, действительные желания и потребности»⁵⁵. Но ведь именно об этом – о превращении в русских из европейцев постоянно напоминал Аксаков! Об отличии русских от «общеевропейцев» уже гораздо позже, в «Пушкинской речи», будет писать Ф. М. Достоевский. Страхов рассматривал польский вопрос как внутренний русский. И Аксаков не видел решения славянского вопроса вне России.

Оправдываясь перед своими критиками, Страхов вместе с тем не отступал от основного положения своей статьи «Роковой вопрос», но, разъясняя его, стремился к более глубокому пониманию проблемы: «...наша русская культура, столь медленно слагавшаяся, столь трудно развивающаяся, действительно могла по бедности своих внешних проявлений подать повод к высокомерию поляков, породившихся с Западом и усвоивших себе его блестящие и отчетливые формы. Но наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залогов такой крепости, такого глубокого и далекого развития, каких, может быть, не имеет никакая другая культура»⁵⁶. И снова трудно найти существенные различия в позиции Страхова и Аксакова. Другое дело, что, замечая изъяны и губительные недостатки в польской культуре, Страхов все же не видел в ней ничего «рокового» для культуры русской. «Роковым» было столкновение двух племен и двух культур, но это столкновение могло закончиться по-разному. В письме в газету «День» Страхов, как бы желая усилить свою прежнюю позицию,

отмечает: «Я говорил искренно. Мне казалось, что я ясно вижу роковое значение польской культуры, то безвыходное и гибельное положение, в которое она стала со своими притязаниями, встретившись с русской культурой»⁵⁷.

Скандал вокруг статьи «Роковой вопрос» напрямую связан с постановкой вопроса о высоком цивилизационном и образовательном статусе Польши. Даже опровержение этого статуса не освобождало от сомнений в благотворности русского влияния. В конце своего ответа Страхов признается: «Мое горькое воззвание, мое упрямое указание на то, чего нам недостает и что нам требуется, может быть, всего более возбудило тревожное чувство в тех, кто ищет какой-нибудь внешней опоры, кто ждет спасения только от одной западной цивилизации, а не видит его в живых силах народного духа»⁵⁸. Наверное, это «тревожное чувство» и возбудило негодование и опасения среди тех, кто, казалось бы, разделял сущностные идеи Страхова, но само их возникновение уже было признаком неуверенности публицистов в своей правоте. Страхов заметил между прочим: «Кто верит в родную страну, тому не могли быть страшны эти (европейские и польские – В.Г.) авторитеты»⁵⁹.

Конечно, трудно представить, что Аксакову не хватало веры в Россию. Но эта вера очень часто оставалась призывом, декларацией, делом будущего. Историческое право русской народности он ставил выше такого же исторического права польской народности. Страхов же отказывается судить две культуры привычными мерками «лучше – хуже»: «Я не судил тут о том, хороша или дурна их цивилизация, а говорил только, что она давняя, развитая, об-щая с Европой»⁶⁰.

Есть и еще одно различие в отношении публицистов к «польскому вопросу». Страхов видел борьбу культур, писал об этой борьбе и не переступал грани политики. Не случайно ведь его слова в письме к Аксакову о том, что у журнала «Время» было «эстетическое понимание народа»⁶¹. Такое же восприятие было и у самого Страхова. Он уверен: «против культуры должна стать культура, а не что-нибудь другое»⁶². Аксаков также пытается остаться в рамках культуры, но не может. В газете «День» авторы и сам редактор

требуют административных мер против поляков. Газета признает правомерным подавление «мятежа», применение оружия. Гуманистические идеалы Аксакова не отброшены, но подчинены интересам текущей минуты, политики.

Решение и постановка «польского вопроса» неразрывно связаны с эволюцией теории национальной самобытности. Признание национальной исключительности вначале связано с идеальной мечтой – об особенном значении христианства в России, с призывом русского народа восстановить чистоту и полноту этого учения во всем мире, внести по-настоящему братские, т.е. христианские отношения в повседневную жизнь человечества. Это грань, отделяющая *миссианские* представления (об особых исторической и культурной задачах России) и *мессианские* (о ее религиозно-политическом предназначении, о ее роли в обновлении всего мира)⁶³. И те, и другие могли быть связаны и с движением истории, с ее задачами, и с национальным самосознанием народа, с его стремлениями и идеалами. На эти грани – полюса постоянно наталкивалась публицистика славянофилов, пытаясь разобраться в судьбах России, Европы и славян.

¹ Философским, культурологическим и социальным проблемам, затрагиваемым славянофилами, посвящено немало работ. Назовем несколько самых важных: Носов С. Н. «Сладкие сны» русской культуры и их судьбы: (Славянофильские исторические «сновидения» в мировоззрении Вл. Соловьева) / С. Н. Носов. // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 256 – 263; Ма-лахов В. С. Русская духовность и немецкая ученость: О немецких исследованиях истории русской мысли // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 111 – 114; Мазур Н. Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного преданья...». Сб. памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 196–250; Лурье С. В. Славянофильство, западничество и русская историческая традиция в философии истории Ап. Григорьева // Стиль и традиция в развитии культуры: Сб. науч. тр. Л., 1989. Т. 131. С. 77 – 85. Лосский Н. О. Славянофилы // Лосский Н. О

История русской философии. М., 1994. С. 19 – 53; Кошелев В. А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология / В. А. Кошелев. // Русская литература. 2006. № 1. С. 76 – 94; Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003; Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997; Флоренский П. А. Около Хомякова: (Критич. заметки). Сергиев Посад, 1916; Флоровский Г. В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Начала. 1991. № 3. С. 30 – 50.

² Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 5.

³ Аксаков И. С. Полн. Собр. соч.: в 7. Т. 6. М., 1887. С. 197.

⁴ Хомяков А. С. О возможности русской художественной школы // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 319, 335.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Аксаков К. С. Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 37, 197.

⁷ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 129.

⁸ Московский литературный и ученый сборник на 1847 год... С. 354-356, 333-336, 343, 349.

⁹ Там же. С. 35, 36.

¹⁰ Там же. С. 39-41.

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 56

¹² Там же. С. 57-58, 59.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринт. изд. М., 1990. С. 118 – 119.

¹⁵ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России... С. 237.

¹⁶ Там же. – С. 238 – 241.

¹⁷ См. в монографии Н.И. Цимбаева «Славянофильство» (М., 1986) разделы: «Славянофилы и «славянофильство»: эволюция общественно-политического понятия» (с. 5 – 55), «Основные проблемы изучения славянофильства» (с. 56 – 102). См. также: Стенник Ю. В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII в. // Славянофильство и современность. Сб. статей. СПб. 1994. С. 5 – 22.

¹⁸ И. Аксаков утверждает: «в панславизм мы [Аксаковы] не верим», но оговаривается, что такой взгляд вызван отсутстви-

ем единоверия среди славян, зараженностью «пустым западным либерализмом, который противен духу русского народа и никогда к нему привиться не может». Но вместе тем он считает, что «все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т. е. в русском». Идеи миссионизма в ответе И. С. Аксакова уже хорошо заметны, хотя о превосходстве русского народа речь еще не идет. См.: <Вопросы, предложенные И. С. Аксакову III Отделением> // Аксаков И. С. Письма к родным. 1844 – 1849. М., 1988. С. 505 – 506.

¹⁹ Аксаков И. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Славянский вопрос. Кн. 1. СПб, 2015. С. 18 – 19.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 78.

²² См.: <«Славянская федерация будет возможна на основе духовного объединения в вере»>. Там же. С. 91 – 94.

²³ Польскому вопросу в русской публицистике посвящено несколько специальных исследований. См., напр.: Малютин Г. А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.: монография. М.: СПб, 2013; Китаев В. А. Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России XVIII – XIX в. Вып. 1. Горький, 1975; Китаев В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века). М., 1972; Белявская И. М. А. И. Герцен и польское национальное движение 60-х г. XIX века. М., 1954; Драгоманов М. П. Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос. Казань, 1906; Иловайский Д. И. Историческая поминка о М. Н. Каткове // Иловайский Д. И. Исторические сочинения. Ч. 2. М, 1897; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978; Хореев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; Эйдельман Н. Я. «Тайные корреспонденты 'Полярной звезды'», – М., 1966;

²⁴ Цит. по: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. – С. 108 – 109 (День, 1861, 18 ноября)

²⁵ Там же. С. 109 (День, 1862, 6 окт.).

²⁶ Там же. С. 109 – 110.

²⁷Аксаков И. С. Указ. соч. С. 77.

²⁸Аксаков И. С. Письмо к Д. Оболенскому от 5 мая 1863 г. // Аксаков И. С. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4. 1861 – 1869: В 3 ч. Ч. 2.: 1862 – 1866. Уфа, 2012. С. 69 – 70.

²⁹Попов А. Н. Русское посольство в Польшу...// Московский сборник. СПб, 2014. С. 497 – 591.

³⁰Аксаков И. С. Письмо к Я. К. Гроту от 7 июня 1863 г. // Аксаков И. С. Материалы для летописи жизни и творчества... С. 75 – 76.

³¹Цит. по: Аксаков И. С. Материалы для летописи жизни и творчества...С. 65. (День, 1863, 4 мая).

³²Аксаков И. С. Примечание редактора к статье А. Гатцука «Письмо к редактору» <Об украинском наречии> // Аксаков И. С. Собр. соч... С. 121 – 123.

³³Костомаров Н. И. Ответ И. С. Аксакову (письмо от 30 октя-бря 1861 г.) // Русский Архив.1906. Кн. 3. № 12. С. 544.

³⁴Там же. С. 545.

³⁵Там же. С. 545-546.

³⁶Аксаков И.С. Собр. соч... С. 190 – 193.Ср.: Там же. С. 180 – 182.

³⁷Там же. С. 454.

³⁸Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? ...С. 643 – 644.

³⁹Там же. С. 642

⁴⁰См. об отношении И. С. Аксакова к Польше и о его сближениях и расхождениях с М. Н. Катковым.: Китаев В. А. Польский вопрос в публицистике И.С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России XVIII – XIX в. Вып. 1. Горький, 1975; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его издания). М., 1978; Хореев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005; Де Лазари Анджей. Ка-тегории народности и идентичности в русской и польской мы-сли (эскиз) // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 38 – 42; Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформен-ной России. М., 1978. С. 108 -113; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861-1863). М., 1972; Иванова С. И. Идентичность сквозь призму «Рокового вопроса» в философской концепции Н. Н. Страхова (по материалам публицистики 1860-х) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010 № 1. С. 19 – 27; Ку-

нильский Д. А. Славянофилы и «Время»: к истории запрещения журнала // Вестник Череповец. гос. ун-та. Вып. № 6 (67). 2015. С. 87 – 90.

⁴¹Время.1863. № 4. Отд. II. С. 152.

⁴² Там же. С. 157.

⁴³ Там же. С. 159.

⁴⁴Ср.: «...мы живем в какое – то особо странное время. Все у нас будто бы есть, – а в сущности нет ничего или очень мало. Все у нас существует будто бы; ничто не кажется серьезным, настоящим, а имеет вид чего-то временного, поддельного, показного...» (Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? ... С. 413). Более того, он иронически предполагает, что скоро у нас появится очередное «подобие» – подобие народности (там же). Суждения Страхова и Аксакова неожиданно перекликаются с давним выводом В. К. Кюхельбекера в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», также писавшего о призраках, подобиях, мнимости явлений. Однако у него это связано с романтизмом, он высмеивает романтические штампы, а И. Аксаков – стереотипы современной публицистики, восторгающейся переменами и преобразованиями. «У нас, – утверждал Кюхельбекер, – все мечта и призрак, все мнится и кажется, и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то...» (Цит. по: Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в.: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 573).

⁴⁵Время. 1863. № 4. Отд. II. С.162.

⁴⁶ Там же. – С. 162.

⁴⁷ Там же. С. 163.

⁴⁸См.: Щербакова М. И. «Радейте и не оскудевайте...» (Из переписки И. С. Аксакова и Н. И. Страхова) // Русский литературоведческий альманах. М., 2004. С. 318 – 328.

⁴⁹Заметка по поводу статьи «Роковой вопрос» // День. 1863. № 22. 1 июня.

⁵⁰Щербакова М. И. «Радейте и не оскудевайте...»... С. 328.

⁵¹ Там же. С. 329.

⁵²Липатов А. В. Польская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 4. М., 1987. С. 290.

⁵³Как нам представляется, здесь Аксаков преувеличивает и передергивает. Отметим, что первый же отклик на статью «Роковой вопрос», отклик К. Петерсона, содержит в себе те же упреки, что и позднейшие выступление и письма Аксакова. Петерсон

удивляется самому сравнению «цивилизации высшего класса Польши с цивилизацией русского народа вообще» и убеждает, что «вся история Польши доказывает, что этот цивилизованный народ никогда не имел политического такта, а варварская Россия еще в 1612 г. доказала, что в высшей степени обладает этим тактом» (Петерсон К. А. По поводу статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время» // Московские ведомости. 1863. № 109). Конечно, к последнему обвинению Аксаков не присоединился, но в ответном письме Страхову упрекал его в подмене проблемы: надо было обязательно «после постановки вопроса о наружных, кажущихся взаимных отношениях польской цивилизации и русского невежества и неразвитости – поставить другой вопрос – о внутреннем содержании польской цивилизации и русских стремлений» (См. об этом: Щербакова М. И. «Радейте и не оскудевайте...»... С. 331).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Страхов Н. Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 54.

⁵⁶ Там же. С. 55.

⁵⁷ Там же. С. 59.

⁵⁸ Там же. С. 61.

⁵⁹ Там же. С. 61.

⁶⁰ Там же. С. 57.

⁶¹ Щербакова М. И. «Радейте и не оскудевайте...»... С. 332. Ср.: В. П. Попов в статье «Раннее славянофильство как эстетический феномен» указывал на эстетическое восприятие народа именно славянофилами (Проблемы гуманизма в русской философии. Краснодар, 1974. С. 84 – 120).

⁶² Страхов Н. Н. Борьба с Западом... С. 60.

⁶³ См. подробнее: Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Б. М., 1912. С. 110.